

шича для развития словенистики. Вторую часть этого раздела составляют интервью, данные разным изданиям. В них проявляется незаурядный талант Ф. Безлай как популяризатора науки, умение в доступной для широкого читателя форме рассказать о сложных проблемах науки, об этимологии, лингвоэтнических истоках словенского народа и т.п.

Мало кому известно, что Ф. Безлай был специалистом по пчелам. В статье 1948 г. по рисункам на стене из Египта, по изображениям на монетах в античную эпоху прослеживается распространение пчеловодства, по сохранившимся описаниям и по данным славянской лексики восстанавливается техника лесного пчеловодства, описывается роль пчел в славянской мифологии и т.п.

И, наконец, в заключительном разделе под названием "Из этнографии" находим статью о Н.Г. Чернышевском, прямо не относящуюся к этой рубрике, а также статьи об исследованиях М. Мурко по фольклору и этнографии, критический обзор работ по славянской мифологии, опубликованных в 40-е годы, публикация 1967 г., в которой Ф. Безлай делится своими мыслями о тех проблемах, которые стоят перед словенской этнографией.

Изданию двухтомника предшествовала большая подготовительная работа. С целью максимального приближения к оригиналу предпринято факсимильное издание в репринте. В сборник включены варианты статей на одну тему, опубликованные в разных журналах. К изданию приложен подготовленный М. Фурлан вместе с Х. Язбец справочный аппарат, облегчающий пользование книгой. В статьях, публикавшихся на протяжении более 60 лет, наблюдается большой разнобой в сокращениях. Вручную проведена экспертиза всех сокращений. В списке литературы и сокращений, принятых в статьях Ф. Безлай (с. XXI–LXVIII), каждое из сокращений расшифровывается на своем алфавитном месте. Такая же работа проделана с сокращениями языков. В качестве приложения ко второму тому даны исправления опечаток, по разным причинам попавшим в статьи Ф. Безлай. Приложены библиография, словоуказатель (с. 1309–1525), а также предметный указатель и указатель имен.

Двухтомник лингвистических работ облегчает доступ к наследию Ф. Безлай и позволяет полнее оценить вклад выдающегося словенского ученого в развитие славистики.

Л.В. Куркина

В.С. Растворгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М.: Восточная литература, 2000. 328 с. Т. II. М.: Восточная литература, 2003. 503 с.

Рецензируемые тома – начало первого в иранском языкознании этимологического свода, выявляющего общеиранский корнеслов и его рефлексы во всех зафиксированных иранских языках. Первый том включает корни, начинающиеся на *a* и *ā*, второй – корни на *b*, *c*, *d*. В настоящее время готовится к изданию третий том. В.С. Растворгуева, Д.И. Эдельман – крупные специалисты-компаративисты, авторы последних по времени обобщающих трудов по сравнительно-исторической грамматике иранских языков (*Раст. СИГЗЯ-Ф*, Эд. СГВЯ-М, Эд. СГВЯ-Ф).

Создание такого словаря знаменует значительный прогресс в иранской и индоиранской этимологии, не говоря о значении этой работы для индоевропейского языкознания и сравнительно-исторического языкознания в целом. Так

сложилось, что в индоевропеистике, являвшейся все время существования сравнительно-исторического языкоznания его “модельной”, образцовой отраслью, в последние десятилетия по ряду параметров ощущается некоторая неудовлетворительность, неадекватность теоретически разработанным и в целом проверенным на материале других языковых семей компаративистским методикам. Прежде всего это касается методов “ступенчатой реконструкции”, при которой исследователь осуществляет постепенное восхождение от наиболее близких к современности уровняй реконструкции к более глубоким, на каждом этапе верифицируя результаты, полученные ранее, с помощью введения в сравнение нового материала. В классической индоевропеистике эта сторона компаративистской процедуры оказалась недостаточно востребована в силу объективных причин. Именно уникальный факт наличия для ряда индоевропейских языковых групп хорошо зафиксированных древних представителей породил ощущение необходимости использования для индоевропейской реконструкции материалов более поздних, хотя и более многочисленных, и лучше интерпретируемых с синхронной точки зрения языковых систем. Поэтому часто приходится сталкиваться с тем, что ряд традиционно восстанавливаемых для праиндоевропейского сущностей получен не в результате сравнения “прагерманской”, “праславянской”, “прайндоиранской” и т.д. языковых подсистем, а в результате изолированного сравнения фактов, скажем, готского, старославянского, авестийского и санскрита. Теоретическая ущербность таких реконструктивных решений очевидна. Во-первых, хорошо известно (хотя и часто затушевывается, почему-то особенно часто – в педагогическом контексте), что каждый из названных древних языков является представителем конкретной ветви своей языковой группы, и фиксация его хронологически часто весьма далека от периода распада группового праязыка, так что, отказываясь от рассмотрения остальных языков группы, мы теряем всю информацию, касающуюся остальных ветвей, которая – будучи включена в реконструкцию – возможно, демонстрирует ничуть не менее, а может быть, и более архаичные черты. Во-вторых, информация, предоставляемая памятниками древней письменности, сама по себе носит менее объективный характер, чем материалы живых языков. Древние системы письма могут не вполне адекватно представлять фонетические системы, и степень этой неадекватности уже объективно неопределенна. Толкования смысла древних текстов зачастую неверифицируемы и в силу этого субъективны, тем более, что тексты могут относиться к ритуальным и мифологическим областям, и, следовательно, быть сознательно нацелены на смысловую многослойность и неоднозначность, а к устройству семантического уровня языковой системы эта неоднозначность может иметь такое же отношение, как сложнейшие тропы поэтов Серебряного века – к толковому словарю русского языка. Проблемы толкования конкретной лексики, почерпнутой из древних текстов, известны – ср., хотя бы, известные по трудам индийских лексикографов санскритские названия растений, которым в европейских словарях санскрита приписаны в соответствие латинские научные названия совершенно непонятно на каких основаниях (в части случаев это, опять-таки, делается на основании рефлексов этих названий в новоиндийских языках, но часто таких рефлексов не зафиксировано). Но индоевропеисты смело включают такие слова в свои этимологические предложения.

Примечание. Вот два примера такой проблемности в индоевропейских этимологических сближениях. 1. Пра-и.-е. **kamar-/*kemer-* ‘чемерица’ (*Walde* –

Pokorny I, 390) (в действительности – в слав. ‘чемерица’, в лит. ‘посконник’, в герм. ‘чемерица’ или ‘морозник’ – все ядовитые травянистые растения, в основном похожие между собой; в др.-греч. *kamaros*, *kammaros*, по словарям ‘род аконита’ или ‘дельфиниум’ (*Frisk I*, 771), индоевропеисты включают также *komaros* ‘земляничное дерево’ (*Frisk I*, 907; кустарник сем.-ва вересковых, ягоды похожи на землянику; *Schrader – Nehring Real. I*, 258–259); перенос значения с чемерицы объясняют тем, что ягоды земляничного дерева одурманивают; не включается в сравнение, но, скорее всего, принадлежит к нему *komaron* ‘tote Farbe aus dem Wurzel der Pflanze Comarum palustre’ (сабельник болотный, розоцветное, внешне похож на землянику и на морозник; лекарственный; латинское название, видимо, из греч.?). Др.-инд. сравнение – *camarika*-т., с пометой Lex., с переводом и в Малом петербургском словаре, и в *Mainier – Williams* ‘*Bauhinia variegata*’. Баухиния не ядовита, но кроме того еще, это отнюдь не травянистое растение, а дерево, довольно широко включенное в индуистскую и буддийскую образность, и почитаемое как символ (и средство) плодородия, весьма часто упоминаемое в санскритской литературе под совершенно другими названиями. Рефлексов слова в языках среднего и нового периодов не обнаружено. Естественна помета при индоевропейском сравнении в (*Mayrhofer I*, 375) “*hoehest unwahrscheinlich*”. 2. Пра-и.-е. **k'am-*; **kam-*, **gam-* / -e- ‘животное безрогое или с короткими рогами’ (*Walde – Pokorny I*, 385): др.-инд. сравнение *śáma* – подвергается сомнению: ‘*hornlos*? ’*tame, domestic*? Вслед за (*Mayrhofer III*, 298) следует считать, что в Риг-Веде слово значит ‘безрогий’, ср. единственный твердый контекст *RV I*, 32 15, где противопоставление *śatana* – *śyngin-*. Т.Я. Елизаренкова (Риг-Веда I, 41) переводит как “безрогого и рогатого”, но в комментарии пишет (Риг-Веда I, 562) “букв. прирученного и рогатого; в этом контексте *śatana* как безрогий интерпретируется вслед за Саяной”. Однако в другом месте (Риг-Веда I, 33, 15) она точно так же *śatān vṛṣabham* переводит “безрогому быку”. Перевод “ручной” обусловлен, по-видимому, значением в классическом санскрите существительного *śáma* – ‘*Gemuetsruhe, Seelenruhe, ruhiges Verhalten, Frieden, Apathie, Impotenz*’ (Малый Петербургский словарь III, 207, заметим, что прилагательное “прирученный” там же отмечено только для тех же двух случаев в Риг-Веде), это значение (“спокойствие”) отражено и в средне- и новоиндийских рефлексах (*Turner CDIAL*, № 12301), и, конечно, вполне возможно, что в классическом санскрите это – метафорическое развитие из “безрогость”, то есть Саяна прав, а более современные комментарии представляют собой род гиперкоррекции.

В последнее время, однако, наблюдается значительный прогресс в описании протолексиконов или протокорнесловов отдельных индоевропейских языковых групп; прежде всего это относится к огромному лексемно ориентированному Этимологическому словарю славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева (ЭССЯ). Новый свод прагерманской лексики составлен В.Э. Орлом (см. наст. изд., с. 348). Индоарийская лексика собрана в новом словаре Майрхофера (*Mayrhofer Altindoar.*). В русле того же направления развития индоевропейского языкознания следует рассматривать и рецензируемый словарь.

Составление обобщающего этимологического словаря иранских языков стало возможным благодаря объективным причинам: бурному развитию в последние десятилетия сравнительно-исторических исследований по иранским языкам. К настоящему времени оказалось накоплено гигантское количество конкретных этимологических разработок отдельных слов и целых лексических групп, опубликованных в различных трудах. Это, в первую очередь, этимологи-

ческие словари отдельных языков или языковых групп, а также толковые и переводные словари, где этимология является значимой частью словарной статьи (например, *Baitholomae; Morg. EVP; Абаев; Benz. Chwar. Wört.; Henn.-MacK. Khwar. Dict.; Nyb. MP; Morg. EVSh; Bailey DKS; См.-К. ЭСВЯ*). Значительную этимологическую часть содержат лексические разделы таких работ как (*Morg. IFL; Абаев ОЯФ; Benv. Inst.; GIPh; Henn. НбО; Оранский ИЯИО; ОИЯ; Эд. СГВЯ-Ф; Раств. СИГЗЯ-Ф; Эд. СГВЯ-М; CLI*); кроме того имеется масса отдельных статей и заметок этимологического содержания. Уже сбор всех принятых в этих работах этимологических предложений и критическая публикация их в одном обобщающем труде является огромным шагом вперед, чрезвычайно облегчая работу с иранской этимологией.

Кроме этого, в последние десятилетия, причем далеко не в последнюю очередь авторами Словаря, были разработаны сравнительно-исторические фонетики иранских языков, получена реконструкция правосточноиранской и праападноиранской фонологических систем. При этом основное внимание уделялось как раз материалу средне- и новоиранских языков, до тех пор недостаточно включенных в сравнительно-исторические исследования. В результате этиологические исследования по иранистике обрели прочный компаративистский фундамент.

Словарю предпослано небольшое введение (1, стр. 7–36), в котором авторы знакомят читателя с историей вопроса, предпосылками составления Словаря, основными принципами отбора материала, с некоторыми особенностями фонетической реконструкции, принятой в Словаре; обосновывают свое отношение к словообразовательным моделям и возможности их реконструкции, приводят общие принципы, на которых они основывались при семантической реконструкции (которой в Словаре уделено достаточно большое место). Наконец, там обсуждаются источники и транскрипция Словаря.

Основную цель своей работы авторы Словаря определяют как выявление общеиранского лексического фонда и корпуса корней и основ, которые могли функционировать в праязыковой период, и тем самым в создании основы для сводного систематизированного корпуса этимологии исконной лексики всех известных иранских языков (живых и вымерших). Второй целью Словаря является включение этого корпуса в единую общую индоевропейскую этимологическую систему в качестве “подсистемы” последней. Эти соображения определили структуру Словаря в целом и структуру словарных статей.

Статьи построены по гнездовому принципу, т.е. в заглавие статьи выводится корень в его фонологическом облике, восстанавливаемом для праиранского; в случае, если морфонологически единый корень выступает в нескольких фонологических обликах, в заглавии записаны альтернативы, разделенные двоеточием. Насколько можно понять из состава словаря, в словарь включаются не только такие корни, которые уверенно восстанавливаются для праиранского состояния (скажем, представленные в разных ветвях иранской семьи), но и локальные иранские корни, если они имеют хорошие индоевропейские или индоарийские параллели, или же представлены в среднеиранских и древнеиранских языках. Ср., с одной стороны, статью **ark-* ‘крепость, укрепление’ (1, стр. 225), рефлексы которого имеются только в перс., тадж., дари (в бахтиярском, возможно, из перс.), но индоевропейские параллели с очень близким значением представлены в греч., лат., балто-слав., герм.; в (*Pokorny* 65–66) новоиранские параллели отсутствуют (жаль, однако, что в рассматриваемой словарной статье никак не обсужден древнеперсидский ороним *arkadri-*, относимый иногда к этому корню, но имеющий и другую этимологию). С другой стороны, на с. 224 рас-

сматривается **ark-* ‘скрепление, скреплять’, восстанавливаемое на основании осетинских и сакских форм, т.е. только восточно-иранское. Включение корней “по максимуму”, безусловно, можно только приветствовать.

Что касается словообразования, в “гнездах” при реконструируемых корнях “представлены наиболее характерные ранние образования и отчасти поздние, свойственные уже не индивидуальному языку, а хотя бы группе родственных языков. При этом некоторые ранние образования, ставшие самостоятельными лексемами еще в доиранскую эпоху, выделены в отдельные словарные статьи, несмотря на то что они происходят от того же корня, что и другие, более архаичные слова того же ряда” (1, стр. 20). Таким образом, в Словаре предлагается реконструкция не только корневого, но и лексемного общеиранского фонда. Это позволяет авторам проводить в словарных статьях полноценное обсуждение проблем семантической реконструкции для праиранского состояния¹, в том числе с использованием метода “Wörter und Sachen”, что в конечном счете ведет к получению фрагментов палеокультурной реконструкции.

Благодаря полному обследованию иранского материала получили надежное подтверждение корни, для которых в индоевропейских источниках индоиранские рефлексы обычно не приводятся, ср.: пра-и.-е. **kep-* ‘хватать’ > ир. **čar-* (2, 221–226), пра-и.-е. **dem-* ‘возводить, строить’ > ир. **dam-* (2, 322–324).

Значительно проясняется реконструкция семантики некоторых общеиндоевропейских глаголов. Ср. проблему реконструкции значения **ar-* ‘пахать, возделывать’. Для индоиранского рефлекса восстанавливается обычно значение **ar-* ‘работать, делать’ и делается вывод об утере земледелия индоиранцами после отделения их от индоевропейской общности (*Schrader – Nehring Real. I* 9–10) или даже о возникновении земледелия у индоевропейцев Европы после отделения индоиранцев (ср. ссылки в *Mallory – Adams*, 8). В Словаре, однако, продемонстрировано наличие в иранских языках реликтов значения ‘пахать’: пушту *āra* ‘борозда’ и, возможно, хуф. *ardhān* ‘насыпь между каналом и полем’ (1, стр. 198), что, по-видимому, свидетельствует о наличии такого значения в праиндоиранском.

Многие словарные статьи содержат экскурсы, имеющие важные культурно-исторические выходы (см., например, 2, стр. 382 – о распространении строительного термина ‘обмазывать глиной’ из языка с переходом *d > *l* в другие иранские языки).

Этимологии, ранее дававшиеся для конкретных иранских форм, в Словаре во многих случаях уточнены (ср., хотя бы, пушту *klošta* ‘спутанная шерсть’, по *Morg. R. 336* < *ku-dāršā, в словаре исправлено на – *dṛ̥ṣta-* 2, 354).

Значительный интерес представляют имеющиеся в некоторых статьях морфологические экскурсы. Отметим экскурс о способах образования сложных числительных (2, 376–378, sub **daśa-* ‘10’).

¹ Собственно говоря, вопрос о реконструкции семантики корня не должен ставиться в принципе, поскольку, будучи единицей прежде всего морфонологического уровня языка, корень, по-видимому, вообще не имеет определенной семантики. Она может быть приписана корню только как результат вычисления общей части из ряда словообразовательных основ (лексем), основанных на этом корне, которые, будучи словами, употребляемыми в различных контекстах, обладают значением и подвергаются семантическим изменениям в связи с изменениями наборов контекстов.

В отдельных случаях реконструкция выводится даже не только для словообразовательных основ, но – в случае древнего чередования внутри парадигмы и последующего разнонаправленного развития словоизменительных парадигм по языкам – комментируется, например, происхождение различных новоиранских форм от основ различных падежей в праиранском, как это сделано в примечании к статье **brātar* (2, стр. 182–183), где оказывается, что часть современных слов восходит к форме номинатива, часть – к вокативу и под.²

Конечно, в вышедших томах словаря можно найти отдельные спорные моменты и просто недосмотры, что неизбежно в таком крупном издании, предпринятом впервые. Ниже следует перечисление некоторых из тех, которые попались на глаза мне (наверное, профессиональные иранисты могли бы отметить их больше, или, во всяком случае, по-другому, – что, впрочем, относится и к достоинствам словаря в части оригинальных этимологических решений). Еще раз повторю, что эти спорные места ни в коей мере не умаляют достоинств словаря и важности его появления.

(2, стр. 191): бактр. *boddo* ‘Будда’ возведено вместе с ср.-перс. (и др.) *būt* ‘Будда, идол’ к праиндоир. **bhūti-* ‘бытие, сила; дух, имя демона’. Во всяком случае, бактр. форма – явное заимствование из санскрита или пали, а ср.-перс. (и др.) – если и не заимствование, как его часто трактуют (с значительными трудностями), то развило значение под влиянием индийского слова, о чём, возможно, следовало бы упомянуть в статье.

(2, стр. 213): кл. перс. *cākṣ/sū* ‘растение, из которого делают глазное лекарство’ (*Fazl-i-Ali*: ‘A small black shining grain mixed up with camphor into an ointment for the eyes’) (и хорезм. *C'kC* то же) с сомнением отнесено к **čak-* ‘капать’ – и по семантике, и по форме, и из культурно-исторических соображений предпочтительно считать индийским (санскритским или новоиндийским?) заимствованием, как правильно отмечено в EDT 412 при среднетюркском слове *cāx̃* ‘box thorn, Lucium, растение, применяемое для лечения офтальмии’: санскр. *cakṣu-* ‘глаз, зрение’ (*Mayrhofer* 1, 367), ср. хинди *cāksū* ‘wild bean and its seed’ <*cakṣav-ya* (*Turner CDIAL*, 4559).

В ряде случаев спорные этимологические решения приняты вследствие распространенного, к сожалению, в индоевропеистике недостаточного внимания к этимологическим традициям в отраслях компаративистики, занимающихся неиндоевропейскими языками. Приведу несколько примеров.

(1, стр. 236): обсуждается происхождение перс. *āš* и похожих на него форм в других новоиранских языках, со значением “суп, каша” и возможность отнесения их к корню **aś-* ‘есть, кушать’. Можно согласиться с авторами, что все формы выглядят скорее как заимствование из перс.; хотелось бы, чтобы более

² Отмечу досадную неточность в этом примечании: реконструируя древний Nom.Pl. **brātārah* на основании точных фонетических соответствий рушан., барт. *vīradār*, язг. *v(ə)radār*, авторы ссылаются на древнеиндийскую форму *bhrātāras* с безударной *ā*. Такой формы не существует; в Риг-Веде отмечено только *bhrātaras*: [1.170.2b] *bhrātaro marūtas táva l*; [5.60.5b] *sám bhrātaro vāvṛdhuḥ saúbhagāyā l*; [10.34.4c] *pítā mātā bhrātara enam āhur*; [10.51.6a] *agnéḥ púrvē bhrātaro ártham etáŋ*. Конечно, именно иранская реконструированная форма должна считаться вторичной по отношению к индийской, неподвижное ударение в этом слове восходит к праиндоевропейскому состоянию, ср. его поведение в германском по закону Вернера.

эксплицитно было сказано о фонетической невозможности отнесения перс. *āš* к *aš-; хотелось бы видеть какие-то фонетические обоснования к одобряемой авторами этимологии Х. Нюберга (< **ā-uya-* от корня **yah-* ‘кипеть’: сомнительно, чтобы такое стяжение давало ср.-перс. и ново-перс. *ā*). О соответствующих тюркских формах упомянуто только как о заимствованиях из перс. со ссылкой на книгу И.М. Стеблина-Каменского о названиях культурных растений (где, впрочем, излагается обратная гипотеза). Не рассматривается альтернативная гипотеза, значительно более простая фонетически и семантически, об обратном направлении заимствования из тюрк. *āš ‘крупа, каша’ в перс., разработанная в (TMN 2, 59–62). Единственным противоречием этой гипотезе является наличие ср.-перс. *āš*, но источник ср.-перс. формы в Словаре не приводится (ссылка на (Абаев I, стр. 239), где ср.-перс. формы нет; нет ее и у Стеблина-Каменского), а, например, в словаре Маккензи ее нет (на соответствующем месте, стр. 13, видим только *aš* ‘дурной глаз’). Как будто (по ссылке в TMN) слово отмечено в словаре зороастрийского пехлеви Кападии (Бомбей, 1953); оно отсутствует при статье *āš* в толковом словаре персидского языка Му’ина (I, стр. 58) и у Абрамяна. Итак, среднеперсидская встречаемость нуждается в верификации.

(2, стр. 149): пушту *boydā* ‘большой нож’ производится (под вопросом) от **baug-* ‘гнуть’. Это слово, конечно, невозможно рассматривать в отрыве от не попавшего в Словарь перс. *boydā* ‘большой нож’, отмеченного у Штейнгасса и Вулерса (St. 192, 195, Vn. 250; пуштунская форма, скорее всего, из перс.). Г. Дерфер (TMN 2, 294–295) сравнивает его со среднетюрк. *bügde* ‘кинжал’ (EDT 325), считая оба заимствованиями из третьего источника, но кажется, тюркскому слову удалось найти алтайскую этимологию (см. EtymDictAlt. 886).

(2, стр. 151): тадж. *biqqa* ‘бык’ трактуется как производное от звукосимвлического корня **haik-*, **haug-* ‘рев, блеяние’. С учетом того, что это изолированная тадж. форма, а корень с глухим завершением слабо зафиксирован в иранских языках, предпочтительно традиционное объяснение заимствованием из узб. *biqa* ‘бык’, закономерно восходящего к пратюрк. *būka то же ЭСТЯ 2, 230–232 и имеющего внешнюю этимологию.

(2, стр. 210): вахан. *čit* ‘колючки на заборе’ с сомнением отнесены к глагольному корню **čai-* ‘собирать, складывать’; это довольно очевидный тюркизм, пратюрк. *čut* ‘забор, загородка’, с др.-уйг., см. TMN 3, 1152, EDT 401.

(2, стр. 213–214): собраны слова, восходящие к значению ‘бить, долбить, стучать’, возводимые в принципе к праиран. **č(i)uk-*; корень трактуется как дескриптивный, и, естественно, с фонетической точки зрения это может быть единственным оправданием его существования (структурно маловероятно палатализованное начало перед *u) – в отличие от вариантной формы **čak-* (возводимой к пра-и.-е. **kek-*). Все возводимые под эту праформу формы – новоиранские, в восточноиранских формах часто *č-* вместо ожидаемого *c-*, так что, видимо, все же следует согласиться с мнением Хеннинга и Маккензи (высказанным в применении к хорезм. *čkwendk* ‘молоток’, Н – MK Khwar.Dict. 35) относительно заимствования этого вида корня из тюрк. **čok-* ‘долбить’ (Räsänen 114, 119, EDT 406).

(2, стр. 216): осетинский топоним Чегет, вслед за (Абаев I, 296), считается раннеосетинской формой к осет. *saegat* ‘северная сторона горы; обух ножа, топора’ (< *čakāta ‘лоб, верхушка’); из этой предположительно ранней формы выводится кар.-балкар. *čeget* ‘лес’ (карач.), ‘северный склон’ (балкар.) В этиологии тюрк. слова (как она дана в Räsänen 102, EDT 867–868, EtymDictAlt.

1530) имеется масса проблем, но во всяком случае балкар. форма – не заимствование из осетинского, ее общетюркский характер подтверждается тувин. *şet* ‘молодая хвойная поросьь’, шор. *şet ayaş* то же, ног. *Şege-r* ‘кустарник’; так что топоним скорее из балкарского, а развитие значения ‘северный склон’ одинаково вероятно и из ‘обух’ (на осетинской основе), и из ‘хвойный лес’ (на тюркской основе).

(2, стр. 225, 474): тюрк. *čib/vin* ‘овод, слепень’, приводимое для сравнения с рядом памирских форм (которые предположительно возводятся в Словаре к **čar-* ‘хватать’ или **drap-* ‘кусать, рвать’ (без взаимных отсылок!), но, скорее всего, являются тюркизмами): все тюркские формы закономерно возводятся к праформе *čūrup, которая вряд ли может относиться к прайранскому корню, к тому же имеет неплохую внешнюю этимологию (см. Räsänen 110, EDT 838, TMN 3, 53, Лексика 186, EtymDictAlt. 949).

(2, стр. 299): ав. *daena-*, перс. *dīn* ‘вера’: в примечании говорится, что совпадение этой основы с араб. *dūn* в эпоху ислама – результат фонетического сходства и смысловой близости. Следовало бы, однако, указать, что араб. *dūn* не имеет семитской этимологии и общепринято считается заимствованием из перс.

Пока пользование вышедшими томами затрудняет отсутствие общего указателя словоформ. По-видимому, авторы планируют такой указатель на последние выпуски словаря. Как уже упоминалось, ряд новоиранских слов получает под разными корневыми вхождениями разную интерпретацию без взаимных отсылок (ср. еще ср.-перс. *bōr* ‘желтый, рыжий’: на стр. 116 – из *balua, как у (Bailey DKS 278), на стр. 152 из *baura, причем здесь в сноске на стр. 154 приведено решение Бейли).

Еще замечание общего характера: в предисловии к словарю полезно было бы дать ту прайранскую фонетическую систему, из которой исходят авторы в своих реконструкциях – так сказать, фонетический (или фонологический) инвентарь, с помощью которого записаны праформы, стоящие на входах словарных статей, – и базовую таблицу фонетических соответствий между иранскими языками. Сейчас в предисловии выписана таблица фонетических значков, используемых в словаре, но для целей пользователей словаря этого явно недостаточно. Можно только предполагать, что примененная в Словаре реконструкция – та же, что изложена в (Раст. СИГЗЯ-Ф) и (Эд. СТВЯ-Ф). Понятна вся проблематичность построения целостной фонологической системы для реконструированного прайзыка, который по построению не может претендовать на синхронность полученного среза, но собственно, как раз авторы Словаря уже проделали в своих монографиях эту сложнейшую работу; а представление ее результатов в краткой табличной форме в Словаре помогло бы читателю самостоятельно оценивать фонетическую точность сближений.

Отсутствие эксплицитно выписанного прайранского инвентаря и таблицы базисных соответствий иногда затрудняет такую оценку концептуально; мне пришлось столкнуться с этими затруднениями в случае форм, отражающих индоевропейские слоговые сонанты. Во-первых, неясно, какой инвентарь слоговых сонантов предлагается для прайранского состояния: присутствует ли в этом инвентаре долгое слоговое *ř*, или нет. В иранских праформах, являющихся входами словарных статей, долгий слоговой сонант выписывается непоследовательно: ср. наличие альтернанта **ȝta-* в названии руки (1, стр. 225) и отсутствие его в реконструкции *darga ‘длинный’ (2, стр. 350), хотя оба случая восходят к пра-и.-е. долготе, имеют долготные параллели в санскрите и имеют рефлексы *-aṛ-* в авестийском, что традиционно считается отражением долгого слогового

сонанта (в отличие от рефлекса краткого *-ərə-*, хотя на практике ситуация явно сложнее, а именно, *-arə-* может отражать и полную ступень корня, ср.:

	Др.-инд.	Авест.
* <i>r̥</i> :	<i>vṛkas</i>	<i>və[r̥]rkō</i> ‘волк’
	<i>pr̥thivī</i>	<i>pər̥θvī</i> ‘земля’
	<i>tirás</i>	<i>tar̥d</i> ‘мимо’
	<i>gguru-</i>	<i>goru</i> ‘тяжелый’
* <i>ṛ̥</i> :	<i>īrá</i>	<i>ar̥ma</i> ‘рука, лапа’
	<i>dīrghá</i>	<i>dar̥ga-</i> ‘длинный’
	<i>ūrmís</i>	<i>var̥mi-</i> ‘волна’
	<i>tūrtás</i>	<i>θwāša-</i> ‘торопливый’?

но также *bərəzant-* ‘высокий’ в соответствии с скр. *bṛhant-* и *barəzah-* ‘вершина’ в соответствии с скр. полной ступенью *barhas-*: 2, стр. 119, 120). Здесь не помогает и обращение к изложению реконструкции в (Эд. СГВЯ-Ф). На стр. 29 этой книги, в разделе “Состав системы сонантов” приводятся два слоговых сонанта (краткий *r̥* и долгий *ṛ̥*) в соответствии с пра-и.-е. четырьмя и в качестве примеров на долгий приводятся как раз ав. *darəga-* ‘долгий’ и *arəta-* ‘рука’. На стр. 56, где выписан инвентарь фонем в общеiranском, долгий слоговой сонант отсутствует, хотя у других гласных выписаны долгие варианты. Какая реконструкция имеется в виду в Словаре и каковы должны быть рефлексы для выбора варианта с долгим слоговым? Во входе словарной статьи Словаря ‘рука’ выписаны три варианта основы через двоеточие – **arma-* : **ṛ̥ma-* : **ṛ̥t̥a-* –, что, согласно Введению, стр. 22, означает ступени чередования. Тогда мы бы ожидали, что представленные в статье иранские формы будут разделены на три группы, каждая из которых восходит к одному из альтернатив. Реально ни одной формы, которая возводилась бы однозначно к пра-иран. **ṛ̥t̥a-*, не приведено (формы типа ваханского *uṛt̥* могут восходить и к **ṛ̥t̥a-* в традиционной реконструкции); если же авторы сомневаются в самой правомерности реконструкции для пра-иранского **ṛ̥*, то тогда, видимо, отсутствует третий альтернатив; в общем, кажется, более эксплицитно было бы выписать вход статьи как “**arma-* или **ṛ̥t̥a-* : **ṛ̥ma-* или **ṛ̥t̥i-*” (из чего, видимо, должен следовать вывод о реконструкции **ṛ̥t̥a-* для всех форм, что хорошо согласуется с индийскими данными). Тогда и на стр. 350 тома 2 мы ожидали бы увидеть в качестве одного из альтернатив “*darga или **dīg̥a* – ‘длинный’”. Вообще, видимо, рефлексы слоговых – одно из очень тонких мест реконструкции, представленной в Словаре: ср. (1, стр. 227) “**ar̥šan-* : **ar̥šn-* : **r̥šn-* ‘мужчина, самец’”: в качестве формы, восходящей к **r̥šn-*, предлагается мидийское имя собственное **faršaina-* < **xwa-r̥šaina-* в эламской передаче; однако возможны по крайней мере два других решения: либо здесь представлен неслоговой вариант сонанта (**r̥šaina-*), либо эламская передача не отражает долготы стяженного гласного (т.е. **färšaina-* < **xwa-aršaina-*), а как раз слоговой здесь довольно сомнителен.

Высказанные замечания ни в коей мере не следует считать направленными на уменьшение достоинств Словаря: очевидно, что только благодаря наличию этого компендиума и огромной и тщательной работе, проделанной его авторами, мы получили возможность более или менее уверенно рассуждать о сомнительных вопросах иранской реконструкции, оперируя полным материалом.

В целом рецензируемые выпуски уже сейчас значительно продвинули вперед состояние иранских этимологических и сравнительно-исторических исследо-

дований, не считая того, что снабдили бесценным материалом исследователей, занимающихся языками, контактными с иранскими (в частности, славистов и тюркологов).

Принятые сокращения

- Лексика – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика.** М., 1997.
- ОИЯ – Основы иранского языкознания.** Древнеиранские языки. М., 1979. Среднеиранские языки. М., 1981. Новоиранские языки. Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987. Новоиранские языки. Северо-западная группа. I. М., 1991. Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997.
- Оранский ИЯИО – Оранский И.М.** Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Раст. СИГЗЯ-Ф – Растворгугеева В.С.** Сравнительно-историческая грамматика западно-иранских языков. М., 1990.
- Ст.-К. ЭСВЯ – Стеблин-Каменский И.М.** Этимологический словарь ваханско-го языка. СПб., 1999.
- Эд. СГВЯ-М – Эдельман Д.И.** Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Эд. СГВЯ-Ф – Эдельман Д.И.** Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- Bailey DKS – Bailey H.W.** Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
- Benv. Inst. – Benveniste E.** Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. II. Pouvoir, droit, religion. Paris, 1970
- Benz. Chwar. Wort. – Benzing J.** Chwaresmischer Wortindex (mit einer Einleitung von H. Humbach). Wiesbaden, 1983.
- CLI – Compendium Linguarum Iranicarum.** Hrsg. von R. Schmitt. Wiesbaden, 1989.
- EDT – Clauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Fazl-i-Ali – Fazl-i-Ali.** A Dictionary of the Persian and English languages. New Delhi, 1979.
- GIPh – Grundriss der Iranischen Philologie.** Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Bd. I-II. Strassburg, 1895–1904.
- Henn. HbO – Henning W.B.** Mitteliranish. – HbO. Abt. I. Bd. 4, Abschnitt 1. Leiden; Köln, 1958.
- Henn.-MacK. Khwar. Dict. – Henning W.B.** A Fragment of Khwarezmian Dictionary. Ed. by D.N. MacKenzie. L., 1971.
- Mayrhofer Altindoar. – Mayrhofer M.** Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I. Heidelberg, 1986; II, 1996.
- Morg. EVP – Morgenstierne G.** An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- Morg. EVSh – Morgenstierne G.** Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974.
- Morg. IIFL – Morgenstierne G.** Indo-Iranian frontier languages. Oslo, 1929. Vol. I; 1938. Vol. II; 1967. Vol. III, pt. 1; 1944. pt. 2; 1956. pt. 3; 1973. Vol. IV.
- Morg. RLMA – Morgenstierne G.** Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
- Nyb. MP – Nyberg N.H.** A Manual on Pahlavi. Pt. 2. Glossar. Wiesbaden, 1874.

- St.* – *Steingass F.* A comprehensive Persian-English dictionary. 2 impr. L., 1930
- TMN* – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen. I. Wiesbaden, 1963; II. Wiesbaden, 1965; III. Wiesbaden, 1967.
- Turner CDIAL* – *Turner R.L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. L., 1962–1964. Fasc. I–IV
- Vu.* – *Vullers J. A.* Lexicon persico-latinum etymologicum. T. 1–2, Bonnae ad Rhenum, 1855.

A.B. Дыбо

Vladimir Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston: Brill, 2003. XXXVIII + 683 P.

Книга В.Э. Орла представляет собой достаточно полный этимологический словарь германских языков. Сам автор так указывает цель своей работы: “представить достаточно полное (но, конечно, не исчерпывающее) собрание прото-германских лексем с их реконструкциями, их рефлексами в основных ветвях германского и, когда это возможно, с приемлемыми этимологиями и этимологическими справками (последние включают основные этимологические словари также как статьи и заметки)”.

В течение последних пятидесяти или шестидесяти лет лингвисты действовали под ошибочным впечатлением, что германская этимология не оставляет нам ничего большего, чем иметь дело с мелкими проблемами и что основной объем соответствующих проблем в этой области был решен. Автор не думает, что этот взгляд верен, и эта книга должна подготовить основание для будущей серьезной ревизии этой этимологии (в основном, корневой этимологии), автоматически принятой сейчас и санкционированной больше привычкой, чем доводами. С этим положением автора я совершенно согласен и, более того, я думаю, что ряд важных явлений прагерманской исторической фонетики остается до сих пор не освещен и, естественно, не включен в этимологические исследования.

Словарь В.Э. Орла включает следующие категории прагерманских слов: (а) слова, засвидетельствованные в двух или трех ветвях германского; (б) слова, засвидетельствованные только в одной германской ветви, но имеющие точные внешние соответствия или являющиеся отражениями источников более широко засвидетельствованных германских производных; (с) слова, засвидетельствованные только в одной германской ветви, но представляющие древние заимствования, которые могли проникнуть в германский на прагерманском уровне.

Автор отмечает, что со словами категорий (б) и (с) он полагается на этимологические решения и, следовательно, на те или иные научные предпочтения и имеет к ним интерес в большей степени, чем к словам категории (а). Это, конечно, влияло на выбор определенных (этимологических) статей. В некоторых случаях (эти) статьи были присоединены даже, когда слово представляло инновацию в одной ветви, но его обсуждение и анализ в этимологической литературе показывал иначе и статья должна была иметь определенный интерес для изучения прагерманского.

Словарь имеет дело только с полными лексическими параллелями в германском, и получающиеся в результате реконструкции суть слова (иногда с их морфологическими вариантами), а не морфемы. Внутренние германские соответствия представлены древнейшими засвидетельствованными формами из